Автор: Оргкомитет
06.12.2021 18:00

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2021" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений "Кубка Мира" будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2021 года.

Имена авторов подборок будут объявлены 31 декабря 2021 года в Итоговом протоколе конкурса.

1 место

Конкурсное произведение 172. " Ты один и я один... "

Памяти Василия Бородина

Ты один и я один.
Умер Вася Бородин.

За окном бушует лето,
веселится третий Рим,
а Василий умер – это
факт, и он неоспорим.

Он бы щас ругался матом
и с поэтами кутил,
но патологоанатом
даже это запретил.

Душно, тесно в смертном часе,
стрелки движутся едва,
пустота в груди у Васи,
а снаружи змейка шва.

Птица кружит без усилий,
человеку не дано –
ты же это знал, Василий,
наклоняясь за окно.

Но теперь-то бесполезно
говорить тебе: «Постой!»,
у тебя во взгляде бездна –
ужас тайны за чертой.

Спит земля, ещё вращаясь,
под землёю – пустота,
жизнь течёт в неё, кончаясь,
красной струйкой изо рта.

2 место

Конкурсное произведение 118. " Заговаривание пустоты "

...комната, прожитая насквозь голосами ночной тоски, становилась тесна.
я выходил из окна, я видел: мир, несколько больше, чем у меня внутри.
вскормленный болью волчонок тихонько скулил,
тычась в мёртвый живот матери-пустоты.
город, до изнанки проживший всех, обрушивался в меня, в прорву без дна.
я вдруг вспоминал: пыльно-сиреневых сумерек ласковую тишину,
вытатуированный ночным дождём Париж, вспугнутый зарницами Лондон,
Прагу, взметнувшуюся пепельными тенями...

или ещё:
вещи, потерявшие человечность, отбившиеся от рук,
бьющие в кровь, разбивающиеся на кусочки, чтобы засесть под сердцем,
вещи, которыми полна жизнь в детстве,
вещи, осколки памяти, стерегущие чью-то старость,
огромную, чужую, уже никому не знакомую старость,
ты видел её, спотыкающуюся на старой брусчатке,
медленно бредущую в гору
(избыточный образ, избыточный образ),
несбыточный, кричащий несбывшимися голосами
разбитой памяти, огромной, чужой и уже никому не знакомой.
так вот, я выходил из окна,
вот так я учился видеть
огромный мир, несколько больше, чем у меня внутри,
огромный город, скулящий в разбитую ночь,
огромный живот матери-пустоты, вынашивающий смерть,
твою-мою-ничью всехнюю смерть,
посмотри, как она идёт на сбитых кривых каблуках,
смерть маленькой девочки и рыжего толстяка,
голодного котёнка и старой ветлы у сгоревшего дома,
вечная моя-твоя-чья-то-ещё смерть
в стоптанных башмаках, в застиранном старом халате,
пропахшем тоской города, где, заблудившийся в тесноте,
каждую ночь ты выходишь в окно
видеть мир, несколько больше, чем у тебя внутри,
одинокий, испуганный мир
с вещами, отбившимися от рук,
с осколками, засевшими под сердцем,
с Лондоном, Парижем и Прагой и тысячей городов,
где мы никогда не будем
(ничем никогда не будем),
мы просто учимся видеть,
заговаривая пустоту,
когда жизнь неуверенным жестом распахивает окно,
и неверен полёт птицы в темнотой наполненном воздухе,
и неверен твой голос, взывающий о неизбежном,
и неверен твой шаг, каждый раз оказывающийся последним...

3 место

Конкурсное произведение 38. " The Present Continuous "

наш мир устроен так –
из твоего ковчега вылетает голубь
и возвращается

неся в клюве зерно
но приглядевшись ты видишь
что это вовсе не зерно
а маленький ковчег
из которого вылетает голубь
и подняв голову ты видишь клюв
который несет твой ковчег...
был милый сентябрьский вечер
три девочки сидели за столом
пытаясь понять The Present Continuous
или пытаясь сделать вид что понимают
на улице дети играли в футбол
две старухи
жующие огрызки жизни
ссорились на скамейке под окнами
уже в пятисотый раз
и от лета остался лишь осыпающийся каркас
"Present Continuous – это когда сейчас"
сказала одна из девочек
"нет это когда всегда"
поправила вторая
третья сидела тихо
будто ее нет
в этот момент зазвонил телефон
был это две тысячи первый
и телефоны были стационарны
уже догнило двадцатое столетие
а двадцать первое пока не начало подгнивать
"включи телевизор прямо сейчас"
сказал посланник будущего в трубке
"Present Continuous это прямо сейчас"
сказала третья девочка
будто подслушав
я включил телевизор
на экране дергалась
картинка которая так и не стала прошлым
оставшись вечным continuous present:
самолет прошивал башню
и башня падала
в замедленной хореографии ужаса
словно ненастоящая
словно сделанная ради шутки из костяшек домино
я так до сих пор и не знаю
кто же это звонил тогда

4 место

Конкурсное произведение 87. " Зомбиленд "

птицы улетают на юг,
и клинья в небе размотаны, как черные хвосты
нефтяных подожженных вышек.
заросли тростника дрожат под ветром.
саблезубые блики лыбятся на реке –
встревоженная пума
вечера
угодила в лужу нефти
и вылизывает шерсть красным языком заката.
чихает сполохом.
натужно кричит селезнем.
бензиново-зеленым опереньем.

какое-то незавершенное совершенство сквозит
во дне уходящем, гаснущем,
как включенный фонарь в лодке, идущей ко дну.
а небо тошнит
заводскими монструозными трубами:
эпоха переела, перепила
технического прогресса.
мрачно звучит сигнал для ночной смены.
и шоссе – грязная соломинка,
вставленная в зад неоновой лягушки-города, –
гоняет машины – пузырьки
металлической слюны.

тихо гудит
переплетение металлических балок
на старом мосте – ржавые вены и сухожилия.
вот она – мумия коммунизма,
обезвоженная, как сушеная вобла.
и небо низко нависает надо мной, как полка
с гипсовыми бюстами Гоголя, Фета, Толстого.
это не облака – это классика
переезжает на рельсах мороси в вагонах ночных,
и я раскачиваюсь, вишу на волоске,
как тяжелый гаечный ключ 75 на 85
над спящей красавицей в темном стеклянном гробу –
грязном, исцарапанном,
с наклейками почты: осторо...

а ветер, как блендер, хочет все смешать:

реки, заводы, города, меня.
и лассо горизонта перетягивает
горло
звездному мустангу...
боже, как же я люблю эти пейзажи захиренья.
рахитичных ангелов запустения.
посттехнический зомби-стайл.
эпоха, как наркоман, тоннами пожирала
уголь, сталь и нефть.
вдруг проснулась больной и немощной,
обворованной до нитки.
время и магия индустриализации прошло.
зато осталось мое наслаждение – радость ребенка,
бродящего по свалке в поисках чудес.

вот ржавая банка и вмятый рисунок:
альпинист карабкается на скалу,
как микроб кариеса
на вершину зуба.
это удивление души
выпрастывает тонкие щупальца из глаз моих.
это кайф разломанных пейзажей, мусорных курганов,
брошенных домов.
это творчество разрушения,
разложение крупных вещей, идей,
и чудовищ эпохи.

5 - 10 места

Конкурсное произведение 162. " Везёшь кота "

Вот на Рижский вокзал из своей глубинки
Приезжаешь, казалось бы, на черта,
Ведь его синеве, мёрзлой голубике,
В вязаном пальтишке ты не чета.
А ещё в переноске везёшь кота.

И вдыхаешь зимний московский воздух.
Кот орал всю дорогу, рычит опять.
Здесь таких прилизанных, куцехвостых
В каждой подворотне, небось, по пять.
Но ведь как уехать, с собой не взять?

Вот и прёшь его вместо чемодана;
Греет душу бабушкин шарф-петля.

Почему негаданно и нежданно
Ты в Москве в преддверии февраля?
Да ещё с котом в переноске, гля.

А теперь стоишь, как в гипнозе, перед
Жёлтым глазом поезда, и — та-дам! —
Закрываются, не открываясь, двери,
Из нутра метро креозотом веет.
Ты же помнишь: столица слезам не верит.
Но котам-то верит же, но котам

Хорошо везде, лишь бы дали "вискас".
В переходах главное не тупить.
Ты уже вот-вот, ты почти, ты близко.
Ты здесь будешь счастлива.
Может быть.

Конкурсное произведение 253. " Спи, сладкий, мамки спят давно... "

спи, сладкий, мамки спят давно,
последняя глядит в окно,
уже не изнутри — снаружи,
и тоже спит, и снится ей
не памятник, но мавзолей,
искусно отражённый в луже.

а в нём ты умер. нет, не спишь,
а насовсем — не перепишешь
ни рождества, ни вознесения.
обетованная среда —
и ни туда, и ни сюда —
и в обе стороны ступени

исчезли — не было ни их,
ни тех сегодняшних двоих,
смиренно лгущих мне и новым
прибившимся на мёртвый свет,
но сладкий-сладкий, невпроед,
не вычерпать ни сном, ни словом.

очнётся мамка, отряхнёт
снег с подола, и палец в рот —
молчи, кума — себе положит.
(приснится же такая страсть!)
за стол — и чай с пирожным всласть,

потянется, а взять не сможет.

стекло, проклятое стекло —
ну ладно, руки, а не лоб,
разбиты в кровь. лицом краснея,
она летит вдоль этажа,
выдерживая жар и жанр,
и отражение за нею.

Конкурсное произведение 56. " Будущее "

старуха продает засушенные цветы
у станции метро
ей лет сто она суха и загорела
люди проходят мимо никому
никому не нужны засушенные цветы
проходит час два три
площадь выгибает каменные бока
как колбаса набитая человеческим фаршем
вот кто-то спрашивает не собираясь покупать
"почем цветочки?" -
"дорого офигенно дорого"
шипит старуха как африканская мамба
глядя на него ненавидящими глазами
и все же она не уходит
все больше голодной ярости в глазах
проходит час другой третий
наступает вечер она не пьет не ест
глаза перестают следить за прохожими
она опускает голову все ниже
теперь ты не видишь ее лица
может быть она спит может быть она плачет
может быть умирает
она отчаянно худа
на ее ногах язвы
она в зеленой рваной куртке которая
много лет назад была чем-то спортивным
она сгибается так низко что можно видеть ее спину
и на спине написано громадными синими буквами
одно единственное слово от плеча до плеча:
FUTURE

Конкурсное произведение 356. " Держи меня "

держи меня за ниточку держи
мелькают словно слайды этажи
и небо подступает к горлу комом
тебе не нужно больше умирать
заполни день как чистую тетрадь
и хлам вчерашний вымети из дома
держи меня глаза не закрывай
пока в боку зияет жёлтый май
и плачет речка местного разлива
пока ты есть слагаются стихи
но вороны срываясь со строки
воруют рифмы нагло и крикливо

держи меня за память всё прошло
сползает с крыш тяжёлое тепло
и падает беспомощное солнце
держи меня за каждое "привет"
все будет никогда – и снег и свет
и ниточка которая не рвётся

Конкурсное произведение 285. " КПП "

Порой и смерть по-своему добра.
Скоропостижно, где-то в шесть утра,
Петров увидел ключника Петра
и если удивился, то не очень.
А тот на вахте дул зелёный чай,
поигрывал брелоком от ключа
и спрашивал входящих, хохоча,
то справку от врача, то наш ли Отче.
Народ обескуражен был и вял.
Веселия его не разделял.
И каждый номерок в ладошке мял
с числом каким-то бесконечнозначным.
Им Пётр был ни сердцу, ни уму.
Вертушка всех гребла по одному,
бросала их со щёлканьем во тьму,
ни планов, ни надежд не обозначив.
Петров остановился в проходной -
а он всегда был парень заводной -
и говорит: "А может, по одной?
Ну что ты с этим чаем, дядя Пётр?
За вас, за нас, за ангельский спецназ!
За Божий перст и за Его же глас!
Вот что за скукотища тут у вас?!

Ползём, к зубному словно на осмотр.
Ведь так и сдохнуть можно от тоски...
И вот зачем, скажи-ка, номерки?
Харон, небось, на берегу реки
не вычисляет, цепанёт ли килем".
Апостол рёк: "А ты, Петров, нахал.
Я никогда такого не слыхал.
Но сам подумай: если б я бухал,
меня б на КПП не посадили.
Касаемо же этих номерков -
здесь завсегда порядок был таков.
Как говорится, испокон веков
народ спокойней, если он посчитан.
Ты оглянись: стоят тихонько в ряд,
Не голосят, не воют, не бузят.
Ждут очередь. Иначе ведь нельзя.
Ментальный блок. Обычная защита.
И ты, брат, не задерживай, иди.
Вон, слышишь, как настойчиво гудит?
Да и начальник мне потом гундит,
Что вновь полцеха к смене опоздали".
Петров кивнул, дал краба старику.
Вертушка щёлкнула, и он прошёл к станку.
И стал работать. В десять - перекур.
А там обед. Всё прочее - детали.

Конкурсное произведение 154. " Дальнобойщик "

Он, август проезжая поперёк,
глядит в окно КамАЗа, видит пашни,
село в две сотни хат, пивной ларёк,
в котором каждый ценник – карандашный.
Он знает эту местность наизусть.
Здесь всюду пахнет сеном и мазутом,
в дородных облаках белеет грусть,
черна дорога, речка полногруда.
Он любит землю, скрытую травой:
лежи на ней – и большего не надо.
Здесь женщина привыкла ждать его,
без слов всё понимать, коснувшись взглядом,
стирать его бельё, кормить борщом,
прощать, жалеть, лечить руками спину,
считать цыплят, минуты, и ещё
считать его своим... наполовину.

Но есть вдали – отсюда день пути –
неспящий город, шумный и мятежный,
где небо у высоток взаперти,
а мир замкну́т и за́мкнут для приезжих.
Там гул машин на пыльной кольцевой,
как будто рёв, несущийся из ада.
Там женщина привыкла ждать его,
без слов всё понимать, коснувшись взглядом;
губами осязать небритость щёк,
усевшись в неостывшую машину;
считать его любимым, а ещё...
ему принадлежать... наполовину.